

© 1998 г.

Е.М. БАБОСОВ

КАТАСТРОФА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

БАБОСОВ Евгений Михайлович - доктор философских наук, академик, заведующий отделом Института социологии НАН РБ.

Развитие человеческих сообществ всегда было многовекторным, причем по мере усложнения и совершенствования социальной организации многовекторность его сценариев возрастала. Направленность, содержание и ритмика социальных процессов не остаются постоянными и линейными, а являют собой сложную панораму, в которой их медленное, спокойное, эволюционное течение время от времени прерывается качественными скачкообразными переходами, катастрофическими потрясениями. Вот почему представления, пронизанные всякого рода катастрофизмами, не раз будоражили воображение миллионов людей, особенно интенсивно внедряясь в общественное сознание в кризисные, переломные эпохи. Преддверие XXI века и третьего тысячелетия не стало исключением. В подтверждение этому достаточно вспомнить целый ряд промелькнувших в средствах массовой информации, прежде всего в газетах, новых пророчеств приближающегося конца света или череду появившихся описаний нынешнего года тигра как непредсказуемого, коварного и тяжелого, чреватого многочисленными и неожиданными катастрофами.

Сообщения такого характера, наслаиваясь на действительно возрастающее количество чрезвычайных ситуаций, вызванных землетрясениями, извержениями вулканов, технологическими авариями и социальными катаклизмами, резко обостряют интерес широкой общественности к проблематике катастрофы. Закономерным ответом на этот интерес стало ее превращение в объект социологического изучения. Первые серьезные исследования катастрофических явлений были проведены Э. Карантели, Х. Фритцем, А. Бартоном, Р. Дайнсом еще в 60-70-х годах нашего столетия в США, а затем получили распространение в Германии (В. Домбровски), Италии, (Дж. Пелланди), Англии (Б. Рафаэль), Голландии (У. Розентал), Советском Союзе (А.И. Пригожин, Б.Н. Порфирьев).

Важнейшее методологическое значение обрела катастрофная типологизация. Основания ее многомерны. В частности, по объектам катастрофического развития и степени его социальности, т.е. причинной вовлеченности общественных отношений и взаимодействий, выделяются пять типов катастроф: *природные* (землетрясения, извержения вулканов, засухи), *экологические* (гибель определенных видов экосистем), *технологические* (аварии самолетов, поездов, космических кораблей, взрывы нефтепроводов), *социальные* (войны, революции, контрреволюции, распад государств), *личностные* (смерть близких людей, крах мировоззренческой ориентации, убийства). По масштабам действия катастрофы можно классифицировать как *локальные, региональные, страновые, глобальные*. По характеру развертывания катастрофические процессы подразделяются на: *эволюционные*, детерминированные спецификой динамики того или иного объекта (например, крах бывших социалистических режимов в странах

Восточной Европы) и *функциональные*, возникающие в тех случаях, когда социальная система утрачивает деятельностную соразмерность с кризисно изменяющимися внутренними и внешними условиями своего существования, что приводит к ее разложению и цивилизационному самоубийству (это и произошло с Римской империей и Советским Союзом).

Как видно из приведенной, отнюдь не исчерпывающей отмеченными критериями, типологизации катастрофических процессов, последние весьма многообразны по содержанию, формам протекания, масштабам, последствиям, а также обусловившим их природным, техногенным, социально-экономическим, социокультурным и иным факторам. Вместе с тем некоторые из них во всех названных параметрах уникальны, скажем, специфическая Чернобыльская мегакатастрофа. Поэтому такие феномены невозможно правильно оценить, понять и интерпретировать при помощи широко распространенных в современной социологии отдельных, нередко разрозненных замеров. Тут не срабатывает тривиальная теоретическая концепция и построенный на ее основе набор показателей, эвристическая эффективность которых довольно просто и с большой степенью достоверности выявляется посредством логического анализа и экспериментальной верификации. Для всестороннего осмысления экстремальной ситуации катастрофического типа, особенностей поведения застигнутых ею социальных общностей различных масштабов - от семейных и вплоть до страновых и межстрановых, необходим принципиально иной, интегральный метод, органично соединяющий в себе аналитические и синтетические операции в единстве синхронных и диахронных аспектов, проведенные на добротной основе эмпирических данных.

Речь идет о парадигматическом подходе, плодотворность применения которого к исследованию науки, в частности, научных революций, убедительно продемонстрирована Т. Куном. Этот метод позволяет глубоко постичь поведенческие действия индивидов и групп в крайне напряженной обстановке, в неразрывном взаимосцеплении чувств, ожиданий, стремлений, поступков, с одной стороны, а с другой - угрожающе изменяющиеся в негативную сторону технологические, природные, экологические, социально-экономические, социокультурные факторы и детерминанты повседневного бытия. Эвристическая мощь метода заметно возрастает, когда в социологическом исследовании он органично соединяется с мониторингом динамически распадающихся, подчас на противоположные, смысложизненных ориентаций и позиций больших масс населения. Такое объединение позволяет перейти от уровня теоретических предпосылок, гипотез построения систем индикаторов (с последующим анализом полученных эмпирических данных) к уровню социальной технологии, способствующей применению обнаруженных сущностных взаимосвязей явления и тенденций, к построению прогнозных оценок и сценариев наиболее вероятного поведения человека в экстремальных обстоятельствах.

Нестандартность чрезвычайных ситуаций и поведенческих реакций, присущих индивидам и группам, требует столь же нестандартного применения теоретической парадигмы. Здесь наиболее конструктивна так называемая парадигма нелинейности, в рамках которой кризисные и катастрофные процессы рассматриваются в качестве нелинейных объектов. Для их экспликации предпочтительнее использовать категории потенциальности, динамичности, неопределенности. Интегрированный блок названных характеристик дает возможность получить социологическую экспликацию катастрофы как резкого, скачкообразного превращения системы в результате чрезмерного нарастания внутренней и (или) внешней напряженности из устойчивого положения в неустойчивое, угрожающее разрушением ее важнейших компонентов либо переходом в другое качественное состояние.

Людские сообщества испытывают негативные последствия всяких катастроф - и природных, и антропогенных. Но в современной действительности чисто природные катастрофы (за исключением вызванных геологическими или космическими процессами) практически не наблюдаются. Оттого в любую катастрофическую ситуацию неизменно оказывается вовлеченным человек: то ли как инициатор, то ли как жертва,

то ли как очевидец. Именно этот аспект составляет объект социологии, принимающей в орбиту своих исследований те катастрофические события, которые несут угрозу индивидуальному человеческому существованию, данной социальной группе (семья, трудовой коллектив, территориальная, этническая общность), обществу в целом.

Если принять во внимание все сказанное и представить это в системном виде, то правомерно сделать по крайней мере два важных теоретико-методологических вывода.

Во-первых, экстремальные сюжеты катастрофического типа не только возможны, вполне вероятны, но часто и неизбежны, ибо само развитие в пределах определенной целостности (природной, технологической или социальной) имманентно таит в себе моменты, когда происходит перебор допустимого максимума напряжения, вследствие чего она начинает разрушаться.

Во-вторых, поскольку катастрофы столь реальны, важнейшим научным инструментом их исследования и прогнозирования должна стать теория вероятностей. Предсказать точно где, когда, каких масштабов и степени разрушительности возникнет форс-мажорная ситуация, пока не удастся, но локализовать повышенную угрозу разрушительного процесса (к примеру, землетрясения, взрыва нефтепровода и т.п.) можно, выделив пространственно-временную сеть, в которой явно проступает тенденция роста экстремальных симптомов.

Хотя экстремальные ситуации во многом не устранимы, существует возможность упреждающего и управляющего воздействия на возникновение предкатастрофной картины. Так, с помощью направленного взрыва предотвращают землетрясение, посредством возведения плотины ослабляют напор разрушительных морских волн, сменой правительства снижают социальную температуру в стране, приглушают и даже устраняют общественные коллизии.

С повышением барьера устойчивости системы, а стало быть меры стабильности и адаптационных способностей по отношению к разрушающим изменениям, вероятность катастрофы уменьшается, но если она все-таки разразится, амплитуда ее размаха и, следовательно, величина неожиданных губительных последствий может возрасти. Здесь мы попадаем в сферу действия хорошо известного из квантовой физики и биологии принципа неопределенности, когда невозможно одновременно с высокой точностью измерить важнейшие функциональные состояния изучаемого объекта. Выходит, как бы то ни было, а свести опасность наступления катастрофических ситуаций к нулю практически нельзя.

Словом, человечество, его различные общности должны быть всегда готовы к чрезвычайным ситуациям, создавать действенные механизмы защиты от возможных катастроф и в социальном, и в технологическом, и в психологическом смыслах. И надо сказать, оно на протяжении своей многовековой истории выработало ряд социальных средств, обеспечивающих ему безопасность, во всяком случае снижающих катастрофическую разрушительность экстремальной среды. К ним относятся, в частности, этническая форма существования, основанная на единстве языка, культуры, территории, способная дать импульсы спасения народа от войн, революций, стихийных бедствий. К подобным средствам причислим и государство, умеряющее вызревающие в обществе социальные противоречия, конфликты, потрясения, порой приводящие к катастрофам, и создающее тем самым условия сохранения единого общегражданского социума или его возрождения, когда он в ходе катастрофы утрачен. Именно так произошло, например, во время татаро-монгольского нашествия, ярко проявившего объединяющую и спасительную для России роль Московского государства и русской православной церкви.

Очевидно, выработка человечеством таких социальных механизмов осуществляется благодаря анализу как самих катастроф, так и тех событий, которые предшествовали им или следовали за ними. А из этого вытекает еще один вывод, суть которого состоит в том, что катастрофу необходимо рассматривать не столько в событийном, сколько в процессуальном порядке, т.е. не ограничиваться теоретическим осмыс-

лением самого ее развертывания, иногда короткого по времени, но подвергать разбору предкатастрофные и особенно посткатастрофные периоды.

Важно принять во внимание очень интересное заключение, сделанное американскими социологами-катастрофологами: настоящие сложности наступают с окончанием действия стихии и началом оказания помощи пострадавшим. Ведь с одной стороны, не только сами чрезвычайные обстоятельства, но и разрушительная их внезапность, распространенность гнетущих стрессов зачастую вызываются особенностями предкатастрофной фазы. А с другой, лишь в посткатастрофную пору можно реально определить степень деструктивного влияния катастрофы на социодинамику общества, производственных, духовнокультурных, психологических взаимодействий людей, демографических процессов в зонах бедствия, всего жизненного уклада.

Опыт социологического исследования трагических социальных последствий случившегося в Чернобыле убедительно раскрыл своеобразие, которым отмечена катастрофа, состоящее в том, что по своему содержанию она явилась комплексной социорadioэкологической, а по масштабам воздействия на окружающую среду - глобальной. Для Беларуси это обернулось подлинно национальным бедствием. Радиоактивное загрязнение охватило 23% территории республики, под мрачной тенью которого оказалось 2,1 млн. человек (около 20% населения), в том числе 800 тыс. детей, а суммарный экономический ущерб, нанесенный катастрофой, превысил 32 республиканских годовых бюджета 1985 г. За время, прошедшее после взрыва ядерного реактора, из радиационно загрязненных районов переселено более 132 тыс. человек, что потребовало огромных материальных затрат, превысивших 5 млрд. долларов США. Главное же в том, что заболеваемость злокачественными образованиями (раком) возросла на 32%, в 3,1 раз увеличилось число инфарктов миокарда, в 3 раза - различных анемий, почти в 5 раз - болезней щитовидной железы у малышей. Средоточием тревог, ожиданий, утрат и надежд в пострадавших районах вплоть до сегодняшнего дня остается состояние здоровья. Причем - и это самое тягостное - обеспокоенность им имеет явную тенденцию к нарастанию.

Такое положение вызвано не только негативными соматическими факторами и симптомами, но также и длительно действующим специфическим послечернобыльским социорadioэкологическим синдромом. Его диапазон неуклонно расширяется, включив в свое лоно к сентябрю 1997 г. до 74% респондентов, вызывая у них растущую тревожность. Основным полюсом напряжения в социальных ожиданиях и смысловых ориентациях населения на пораженных радионуклидами территориях остается недостаточная социальная защита людей. Этим фактором в том же году было встревожено 76% опрошенных в Гомельской и 84,4% - в Могилевской области.

Рассмотрение социальных аспектов нашей темы дает основание резюмировать, что при общем социологическом подходе к катастрофическим процессам, протекающим в различных социально-исторических условиях, отдельные страны в силу как раз этого обстоятельства испытывают потребность в углубленном исследовании тех катастроф, которые именно на них обрушиваются с той или иной периодичностью. В этой связи Беларусь является, пожалуй, самой уникальной страной на обширном постсоветском геополитическом пространстве. Некоторые ее долгожители помнят гигантскую общественно-экономическую и политическую катастрофу, выразившуюся в развале Российской империи Октябрьской революцией и последовавшей за ней гражданской войной. Никогда не забудут они и их потомки трагизм Второй мировой войны, которая сопровождалась полной оккупацией всей республики немецко-фашистскими захватчиками, истреблением 1/4 ее жителей, гибелью на фронтах, в партизанских отрядах, гитлеровских застенках и концентрационных лагерях каждого третьего мужчины. Неизгладимый трагический след на жизнедеятельности белорусского народа оставила Чернобыльская катастрофа. Катастрофическими для него оказались и последствия развала Советского Союза - крупнейшей во всей общественной истории цивилизационной катастрофы. И все эти события уместились в семь с небольшим десятилетий - в рамках средней продолжительности человеческой жизни.

Катастрофа, выразившаяся в распаде СССР, произошла неожиданно и, на первый взгляд, внезапно. Но ее предпосылки зрели достаточно долго. Сама по себе притягательная социалистическая идея борьбы за всеобщую социальную справедливость и равенство вследствие перерождения правящей элиты, обеспечивавшей свой авторитет и всевластие тоталитарными идеологическими и политическими методами на последнем этапе существования великой державы, превратилась из возвышающей и облагораживающей созидательной силы в выхолощенный, подавляющий всякую инициативу пустой лозунг. В результате произошло губительное раздвоение общественного и индивидуального сознания, а за этим - и действия. Социальная жизнь расплодилась на две внутренне не связанные части - официальную, не подлинную, псевдо-реальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной все советские люди - убежденные сторонники социализма, в личной - очень многие, особенно на верхних этажах социальной пирамиды - приспособленцы и перерожденцы, все более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы приводят к деструктивному по своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия - жизнь вне провозглашенных норм и правил. Потеря духовной и политической инновационности говорит об утрате чувства нового - происходит отступление страны с передовых рубежей научно-технического прогресса, а становящееся непомерным бремя гонки вооружений, подхлестываемое необходимостью военно-стратегического паритета с США, приводит к технологическому отставанию гражданского производственного комплекса, к снижению темпов роста валового внутреннего продукта. Пресловутая горбачевская перестройка не выводит страну из социально-экономического кризиса, но, напротив, означает ее политический, социальный, экономический тупик. Наступает перебор максимума возможных для сохранения существующей социальной системы внутренних напряжений, политических конфронтаций, а пресловутые Беловежские соглашения ставят финальную точку в катастрофическом развитии событий, увенчавших бесславный конец.

Социальные выражения этой катастрофы общеизвестны: полная социальная дезинтеграция, разрыв экономических связей, небывалое для мирного, невоенного времени падение объемов и темпов производства, безудержный рост цен и падение жизненного уровня большинства населения, тяжелейшие инвестиционный кризис, разгул преступности, казнокрадства, широкая неудовлетворенность материальным и социальным положением.

Развал СССР нанес катастрофический удар по народам всех бывших союзных республик, но большее всего, пожалуй, оно переживается населением Беларуси, которое хорошо знает, что без братской поддержки русского и других народов республика не залечила бы так быстро тяжелейшие раны Великой Отечественной войны, не сделала бы впечатляющего экономического и научно-технического рывка в послевоенные годы. Теперь же белорусы испытывают неисчислимы бед. Достаточно сказать, что начиная с 1991 г. у нас произошло более чем сорокапроцентное сокращение производства, а доля населения, имеющего доход на уровне минимального потребительского бюджета и ниже, с 3% возросла до 87%. Только около 3% наших сограждан - высший слой "новых белорусов" вполне удовлетворен нынешней жизнью, остальные надеются на ее улучшение в ожидаемом тесном сотрудничестве с русским, украинским и прочими народами СНГ.

Проведенный нами во второй половине 1997 г. опрос показывает, что почти 85% респондентов- горожан и селян- полагают жизненно важным развивать экономическую интеграцию с Россией, от 82 до 84% убеждены в необходимости творческого союза в сферах науки, образования и культуры. Несколько меньше доля тех, кто активно поддерживает интеграционные процессы в социальной и в политической областях (61 и 51% соответственно). Характерно, что более половины (54%) опро-

Схема модели развертывания катастрофического процесса в социальной системе

Периоды	Основные этапы и их характеристики	Содержание социальных процессов, характерное для анализируемых этапов
Пред-катастрофный	Снижение адаптивности системы к внутренним и внешним изменениям	Переход системы из устойчивого в неустойчивое, нестабильное состояние
Катастрофный	Нарастание кризисных процессов Снижение управляемости системы Потеря регулируемости (саморегулируемости) в системе Развал системы, ее социальных структур и институтов	Падение темпов и объемов производства, разрушение хозяйственных связей, кризис власти, духовных ценностей Утрата эффективности средств социального регулирования - норм морали, права, распоряжений органов власти Развал властных структур, нарастание разрушительных действий, неорганизованных общностей (толпы), альтернативных власти движений и структур Несоответствие имеющихся в системе ресурсов - экономических, властных, организационных, людских - целям и задачам выхода из катастрофического состояния
Пост-катастрофный	Обновление или возникновение новой принципиально иной системы	Переход в качественно новую систему или восстановление устойчивого состояния видоизмененной прежней системы

шенных в качестве самой примечательной особенности взаимодействия русского и белорусского народов выделили близость их исторических корней, а 32% утверждают, что эти народы соединяет общая судьба. Добавьте к этому тот факт, что около 45% белорусских граждан связывают с российскими родственные узы, 32% - дружба, 24% учились, работали или служили в армии на территории РФ. И все без исключения считают, что никто и никогда, никакими границами не в состоянии разорвать это единство и братство.

Коль скоро социологический анализ событий, обусловленных катастрофой, принимает во внимание не столько сам феномен оной, но прежде всего предкатастрофные и посткатастрофные явления, на передний план в нем выдвигается проблема социодинамики объекта. Причем если те или иные конкретные происшествия, поступки, оценки, характеризующие катастрофу как отражение в индивидуальном и групповом сознании, нуждаются в кропотливом микросоциальном разборе, где центром притяжения становится индивид - жертва и очевидец катастрофы, - то ее социодинамика требует более широкомасштабного, макросоциального изучения.

Поскольку разворачивающаяся катастрофическая ситуация в социальной системе представляет собой разрушительный переход от ее нормального, стабильного состояния к экстремальному, ненормальному, исходным в исследовании данного процесса служит предкатастрофный период. Именно тогда система начинает ощущать пониженную адаптированность к внутренним и внешним изменениям, ослабление эффективности выполняемых ею функций, неустойчивость, нестабильность. Вслед за этим по мере сгущения экстремальной атмосферы возникает второй этап катастрофических изменений - стремительное, чаще всего скачкообразное нарастание кризисных процессов. Оно форсированно ведет к третьему этапу - резкому падению управляемости системы.

Наконец, утраченная управляемость вызывает лавинообразную волну стихийных массовых действий, осуществляемых главным образом в форме разрушительного поведения неорганизованных общностей типа толпы, когда эмоции и инстинкты захлестывают доводы разума, императивы совести и долга, а также неинституализированных, чаще всего противозаконных акций альтернативных власти движений и структур. И как результат - в социальной системе, оказавшейся в катастрофическом положении, становится все более угрожающим несоответствие наличных ресурсов - материальных, людских, организационных, властных - целям и задачам выхода из

экстремальной обстановки, вследствие чего система (или основные ее социальные структуры и институты) начинает рушиться. А за тем амплитуда тотальных или частичных разрушений экономического, социального, политического, духовного характера постепенно сужается и экстремальные деструктивные изменения, социальная дезинтеграция, вызываемые ими общественные бедствия переходят в посткатастрофную стадию. Такова динамика развертывания любой социальной катастрофы (для наглядности см. схему).